

Татьяна Щурова

## «И в дыме унылом камина...»



В начале 80-х годов позапрошлого столетия редактор-издатель газеты «Одесский вестник» Павел Александрович Зеленый решил выпустить к ней приложение – литературно-юмористический и художественный журнал «Маяк» (1881-1885). Судя по публикациям в сохранившихся номерах, старейшая провинциальная газета России (напомним, «Одесский вестник» выходил с 1826 по 1893 гг.) нуждалась в это время в притоке подписчиков, и редакция предложила своим читателям своего рода «гламурное» издание раз-

влекательного характера со множеством юмористических рисунков, иронических поэтических опусов, обзорами художественной, театральной и музыкальной жизни, причем не только Одессы.

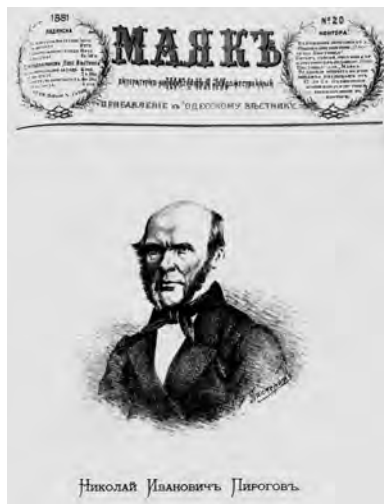
Любознательный обыватель мог почерпнуть, например, сведения о выставке в Санкт-Петербурге картин И. Айвазовского, А. Куинджи или новых работах В. Верещагина, а также о зарубежных новинках – показе в Брюсселе мастеров школы Рубенса, театральной постановке «Нана» по Золя или же фундаментальной «Электрической выставке в Париже». Тут же печатались произведения Брета Гарта «Американские типы и очерки». То есть журнал

пытался быть познавательным и актуальным.

Конечно, «Маяк» отражал и жизнь своего города. Нужно сказать, ирония уже тогда становилась отличительной чертой одесситов, и поэтому даже о землетрясении удавалось рассказать с улыбкой, не говоря уже об одесском трамвае, нравах провинции с ее чрезмерным увлечением танцами, кафешантанами, пьянством, разнообразиями адюльтера, невежеством – в общем, о жизни обывателей с их мелочными заботами и т. д.

С одной стороны, журнал «Маяк» стремился бороться с нетребовательным горожанином, лишенным желания постичь истинные ценности жизни и нуждавшимся в менторском назидании («растленности полной заметны следы»). С другой стороны, в этой борьбе авторы публикаций настолько погружались в мир обывателя, что порой явно тонули в бытовых нелепых ситуациях своих героев.

Но это неизменно сочеталось с желанием редакции «быть на уровне» и дать на обложках журнала изображения артистов (увы, многие из них совсем забыты сегодня) или же портрет Т.Г. Шевченко в честь 21-й годовщины смерти великого поэта и живописца.





Пошутил «Маяк» по поводу предложения городского головы Г.Г. Маразли построить на его средства дом, где бы размещались музей Одесского общества истории и древностей и городская публичная библиотека, которая к тому времени за 50 лет своего существования не раз меняла адрес. Маразли выделил на это своих 30 тысяч рублей, но архитектор Ф. Гонсиоровский не смог уложиться в смету, и недостающие средства были выделены городской думой. Так появилось прекрасное здание, где ныне расположен Археологический музей. Пресса тут же подхватила тему тщеславия Маразли (критиковать городских голов всегда нравилось). В журнале также появился рисунок – обыватель искренно недоумевал, зачем ему новое здание библиотеки?

Неоднократно обращался «Маяк» к рассказам о Саре Бернар, гастролы которой состоялись в ноябре 1881 года в Одессе. Они прошли с успехом, хотя одесситы отнеслись к игре знаменитой артистки неоднозначно. Однако они охотно читали забавные истории из ее жизни.

Одесса всегда строго судила мастеров сцены, не стесняясь,

могла сказать: «Знает всяк, что есть артистки / Поражающие души, / Ты ж, мой друг, своей игрою / Поражаешь только... уши».

Так же бескомпромиссно одессит мог заявить и не очень талантливому поэту: «Ты рифму ловишь безуспешно, / Стихом владеешь так потешно, / Что было б лучше бесконечно, / Когда б, мой друг, молчал ты вечно».

Предлагаем на несколько минут окунуться в забавные, наверно, несколько примитивные стихотворные строчки из давнего одесского журнала «Маяк», которые соседствуют на его страницах с многочисленными довольно забавными рисунками, автором многих из них, кстати, был Леонид Осипович Пастернак, тогда гимназист-восьмиклассник, ставший впоследствии известным живописцем, графиком, иллюстратором и... отцом гениального поэта.





Въ Петербургѣ ходить упорный слухъ о скоромъ разрѣшеніи частныхъ театровъ. Говорятъ, въ Петербургѣ будетъ устроенъ также и «общедоступный театръ» для народа.

(Мазъ Гейне).

Вечерней порой у камина,  
При олабомъ мерцаньи свѣчи,  
Читаю я письма подруги  
И слезъ проливаю ручьи.

Глотаю слова со слезами;  
Едва вспоминаю о ней—  
Становится холодно въ тѣлѣ,  
А въ сердцѣ еще холоднѣй...

Святѣя нарушены клятвы,  
Присяга о вѣрной любви,  
И въ сердцѣ убитомъ осталось  
Волненье и трепеть крови.

Листько за письмомъ незабвенной  
Бросаю въ горящій каминъ,  
И съ тихой тоской о подругѣ  
Сижу я безмолвно одинъ.

Проходятъ въ умѣ пощѣлуи,  
Что прежде плыли на устахъ,  
И въ дымѣ уныломъ камина  
Уходятъ, какъ время въ мечтахъ.

Буки-Вѣди.

### Подражаніе Фету.

Вино насъ веселитъ,  
А женщина чаруетъ..  
Въ трубѣ такъ вѣтеръ дуетъ,  
Льетъ дождикъ на гранитъ..  
Кричите подъ крышей кошкѣ..  
Гѣнится въ грудь печаль..  
Сижу я у окошка..  
Неужли, ангелъ—крошка,  
Тебѣ меня не жаль?

С—нимъ.

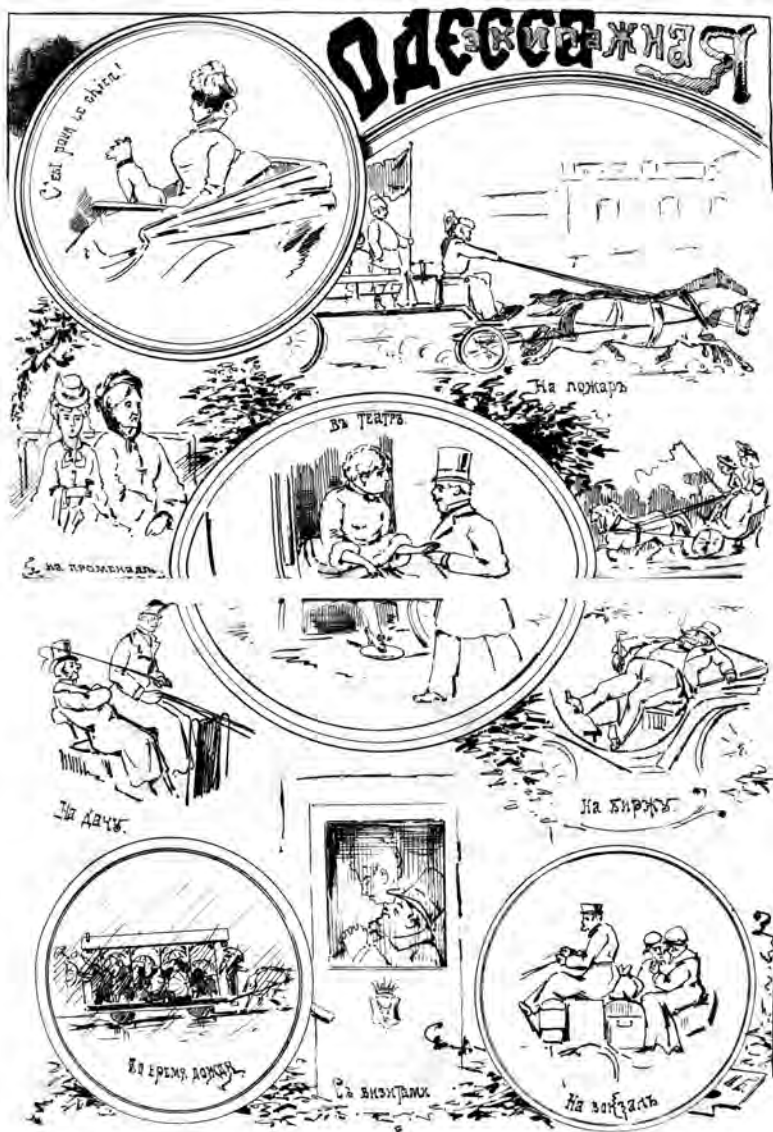


### МАЯКЪ ЖУМЪ.

(Подраженіе Фету).

Заль, освѣщеніе,  
Храпъ и сопѣніе  
Вадохи сквозъ сонъ,  
Кашель, сморканіе,  
Хохотъ, шептаніе,  
Изрѣдка—звонъ.  
Лица тоскливыя,  
Рѣчи визгливыя,  
Скучный юм ръ,  
Вялость въ движеніяхъ,  
Странность въ сужденіяхъ,  
Дикость и вздоръ,  
Ругань отборная,  
Честность притворная,  
Ложь и обманъ,  
Дарство бездушное,  
Мервнодушное  
Къ слову—карманъ!

Дюгенъ изъ Тамбова



# ОДЕССКИЙ ТРАМВАЙ



— Вот уж добрый человек, хоть и стар, а только до 1875. Подождал, пока вышло, но зато остался большой, чтобы вышло пощады.



— Не можно ли сделать, чтобы из этой кляксы вылезла урбанизм из оккупированных районов?

— Пожалуй можно, но к. Небыло и был так достаточен и к. урбанизм.



Между двух вагонов.



Во время заносов.



В ямках.

Нелегальный пассаж.



КОНТРАПУНКТЫ ОДЕССКОЙ ЖИЗНИ



Женить, чтобы подарить.



— Танцевать, чтобы жить.



Женить, чтобы писать.



— Читать, чтобы жить.



Женить, чтобы поговорить.



— Говорить, чтобы жить.



Женить, чтобы любить.



— Любить, чтобы жить.

СЕРЕНАДА КАССИРА.

Я стою в алей темной;  
Звучны трели соловья...  
Полонь нѣги, страсти томной,  
Жду, Эльвира, я тебя!  
Полно счастье кассира..  
Что мнѣ трели соловья?  
Для тебя, моя Эльвира,  
Кассу всю разграблю я!  
Для тебя, моя Эльвира,  
За твои глаза и страсть,  
Я готовъ всё банки міра,  
Ночью темной обокрасть!  
Обокравши банки міра,  
Деньги я тебѣ вручу..  
Полوبي меня Эльвира:  
Я въ Парижъ тебя умчу!

А. Д—НО.

НЕПРИЗНАННОЙ АРТИСТКѢ.

Ты играешь, другъ мой, рвано  
Не жалѣешь свои руки,  
И несчастный фортепяно,  
Переносить вѣчно муки.

Знаетъ всякъ, что есть артистки,  
Поражающія души,  
Ты-жь, мой другъ, своей игрою  
Пиражаешь только... уши.

Хитровоселій обыватель.





Клевет, чюды клевет.



— Вранья, чюды вранья.



Жалоба, чюды жалоба.



— Скорость, чюды скорость.



Жалоба, чюды жалоба.



— Печаль, чюды печаль.



Жалоба, чюды жалоба.



— Терпение, чюды терпение.

\* \* \*

## НАШЪ ВЪКЪ.

Водевильный и комичный  
 Бурный, страшный, дикий вѣкъ,  
 Вѣкъ смятеній, вѣкъ трагичный,  
 Подлый, низкій, пошлый вѣкъ!  
 Вѣкъ разладовъ, вѣкъ раздоровъ,  
 Вѣкъ убійствъ и грабежей,  
 Вѣкъ револьверовъ, вѣкъ вздоровъ,  
 Вѣкъ культурныхъ дикарей!  
 Вѣкъ наживы, вѣкъ безбожнй,  
 Легкій, слабый, шаткій вѣкъ!  
 Вѣкъ коварной, вѣкъ ничтожнй,  
 Какъ ничтожнй человекъ!  
 Вѣкъ развалинъ, вѣкъ фальшивый,  
 Безсердечный и сухой,  
 Вѣкъ протекцій, вѣкъ ливнй,  
 Кровожадный и пустой!

В. Л. Л—ъ.

Нѣминуемо то время,  
 Нѣизбѣжно часъ придетъ,  
 Будетъ съ племенемъ жить племя,  
 Безъ вражды и безъ невагодъ.  
 И причудливья тѣни  
 Горя лютаго и мукъ  
 Смѣнитъ свѣточъ наслажденій,  
 Смолкнетъ злобы бурный звукъ.  
 Разорвутся злыя сѣти,  
 Сбросятъ тяжести веригъ,  
 И въ животворящемъ свѣтѣ  
 Продлится солнца ликъ.  
 Снизойдутъ на землю боги,  
 Восарится миръ златой,  
 И богатый и убогій  
 Будутъ жизнью жить одной.  
 И любовь наполнить груди,  
 Будетъ жизнь—какъ сладкій сонъ...  
 О, тогда, навѣрно люди  
 Побредутъ на небооклонъ!

Бывъ Вѣдк.



Сара Бернар, обогатившись американскими долларами, забавляется теперь ядовитыми насмѣшками противъ янки. Между прочимъ, по ея словамъ, американцы обыкновенно вечеромъ, у входа въ

театръ, покупали себѣ книжки съ пьесою, въ которой она играла. Разъ въ одномъ маленькомъ городкѣ давали «Фру-фру». Кассиръ забылъ захватить съ собою книги и имѣлъ при себѣ только «Федру». Чтобы, одна-



ко, удовлетворить публику, онъ продавалъ въ этотъ вечеръ трагедію Расина, вмѣсто комедіи Мельака и Галеви. Американцы прилежно читали во

время представленія, а артистка на сценѣ едва удерживалась отъ смѣха и ей не мало стоило усилій доиграть комедію до конца.

## САДЫ И КАФЕ-ШАНТАНЫ.



— И так, вы не сидели, уехали?  
— Сидела только две недели... при те же условиях... они

— Вы кричали еще повеселится?  
— Где же я провалять вечер тошар, хоть по здес



— Довольны провалять вечер себя, уюди  
для уточенному вкусу публики.



— Вам, отчего это натуре подмывает так  
книжку вашу?  
— Ей жаль так доктор.  
— А отчего она так долго сидит? она про-

— Ну с, в ночь сегодня?  
— Сегодня я с, тобою компания

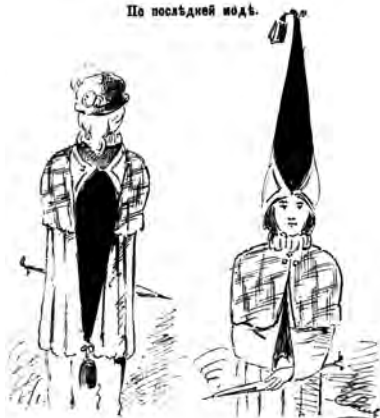
ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.

Дамскіе головные уборы.

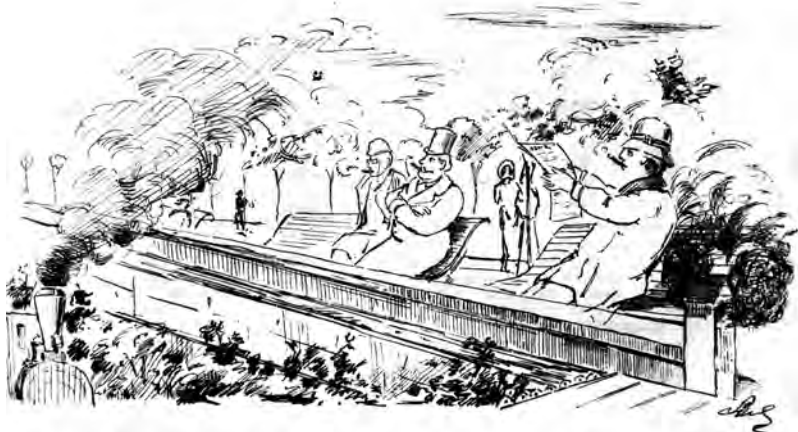


Костюмы à la soirée.

По послѣдней модѣ.



Не правда ли, удобно!



— По вечерам одесситы любят ходить на Никозавенский бульвар и дышать свежим и чистым воздухом.



— Ну, как пошла здесь новая пьеса?  
— Ах, новая пьеса?... Очень пошла!